

3. *Иванова Е. В.* Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц): Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 415 с.

4. *Маркелова Е. В.* Когнитивный аспект исследования пословиц // Проблемы высшего технического образования: Сб. ст. Вып. 19. М., 2001. С. 54–59.

5. *Семененко Н. Н.* Лингвокультурологическое описание структуры и семантики паремии: Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2002. 191 с.

С. Х. Битокова

Идиомообразование: когнитивный аспект

Идиоматика – важная составляющая номинативных средств языка, представляет собой чрезвычайно интересный и вместе с тем сложный объект для исследования. Новые перспективы изучения идиом открываются в контексте активно разрабатываемой в настоящее время когнитивной семантики. Одной из важных задач когнитивного подхода к изучению содержательных единиц языка является экспликация «скрытых» механизмов вербализации мыслительных структур в процессе познания.

Идиомы – сверхсловные образования, которым свойственны высокая степень идиоматичности и устойчивости – обладают сложной семантикой, отличающейся диффузностью денотативно – сигнификативного содержания, осложненной набором разноплановых коннотаций, которые формируются их образной составляющей.

В когнитивной лингвистике существуют две концепции, разрабатывающие теорию идиоматичного значения с опорой на образную составляющую: «концептуально – метафорическая гипотеза» и «гипотеза интерференции». Согласно первой теории содержание идиомы базируется на иерархических структурах метафоры, в которых области, данные в физическом, чувственном опыте, служат для характеристики абстрактных, не структурированных областей [1]. Иерархия метафорических структур отличается широким диапазоном варьирования: высокая степень обобщения – (цель и адресат, место и расположение, событие и действие), средний уровень – (жизнь – как путешествие, люди – как растения), специфический – (time is a reaper) [2, с. 10–11]. В силу сходства телесного опыта, который в первую очередь предопределяет метафорические переносы, структуры высокого уровня обобщения изоморфны в разных языках. Метафоры нижнего уровня имеют языковую специфику, что обусловлено ее реализацией в рамках определенного социально-культурного контекста, который, предопределяет характер языкового наполнения концептуальных метафор.

Сторонники «гипотезы интерференции» считают, что в основе образов, вызываемых идиомами, лежат прямые значения компонентов идиоматичного выражения. По их мнению, эти образы не зависят ни от метафорических структур, ни от актуального значения, более того, они находятся в отношении интерференции, приводящей в итоге к созданию образа идиомы [3]. Предполагается, что полную картину механизма идиообразования, можно получить при обращении как к концептуальным структурам, лежащим в их основе, так и к их квазивизуальному образному основанию с обязательным учетом «следов буквального прочтения идиомы», которые формируют новое выводное знание [4, с. 75].

Рассмотрим приведенные положения на материале фразеологических сочетаний со значением гнев в кабардино-черкесском языке.

Концептуальные системы, представляющие абстрактный уровень идиообразования, являются результатом обработки и обобщения определенных структур знания – фреймов и сценариев. Последние, в свою очередь, представляют собой обобщенный опыт познания человеком окружающего мира. Здесь важно отметить, что познание мира начинается с познания человеком своей телесной сущности, с последующим его обогащением результатами своей предметной и теоретической деятельности. Наивное представление человека о гневе сводится к следующим основным физиологическим эффектам: повышение температуры тела, увеличение кровяного давления, учащение пульса, нарастание внутримышечного напряжения, двигательное возбуждение, нарушение точности восприятия [5]. Естественно, что возрастание гнева усиливает степень проявления обозначенных физиологических эффектов и при достижении предела происходит нарушение нормального функционирования человеческого организма.

Обобщение наивных представлений человека о гневе позволили разработать прототипическую когнитивную модель гнева, которая включает в себя следующие составляющие: причина, состояние гнева, подавление гнева, проявление гнева.

Картина ощущений, предлагаемая наивным пониманием гнева, позволяет структурировать его, а точнее его физиологические проявления в виде следующих «схем образов» – *горячая жидкость в контейнере* или *горящий твердый предмет* [5]. Эти «схемы образов», типичные для всех языков, в силу универсальности строения и функционирования человеческого тела далее уточняются концептуальными метафорами, которые представляют устойчивые соответствия между областью источника (*горячая жидкость во вместилище* или *горящий твердый предмет*) и областью цели (*гнев*).

Анализ практического материала выявляет такие концептуальные метафоры как гнев – это горячая жидкость (*лъыр къэпльын* – *сильно разгневаться*, букв. кровь нагревается), кипящая жидкость (*лъыр къэвэн* – *негодовать*, букв. кровь кипит). При этом в качестве *контейнера* мыслится не только тело человека как некое целое, но и отдельные его органы. Например, гнев вербализируется через горячую, кипящую кровь в сердце – (*гур къыдэвэн* – *вскипеть от возмущения, гнева*, букв. сердце кипит; *гур къыкъуэльыкӀын* – *разъяриться, прийти в ярость*, букв. сердце кипит, выплескивая жидкость). Другая концептуальная метафора – нарушение целостности контейнера – реализуется через эту же лексему – сердце. Например: *гур зэкӀуэцӀычын* – *негодовать*, букв. сердце разрывать; *гур къэчэн* – *злиться*, букв. сердце треснуло; *гур ззгуэудын* – *негодовать, злиться*, букв. сердце лопнуло. Уникальной является метафора *не иметь ни капли крови*, лежащая в основе идиомы *лъы ӀэмӀэ къыцӀэмкӀын*, имеющей значение – *находится в состоянии гнева*. Уникальность заключается не в самой метафоре – она довольно привычна для многих лингвокультур, а в ее использовании для концептуализации такой эмоции как гнев. Состояние, когда у человека «не осталось ни капли крови», не вписывается в наивное представление человека о гнев, которое является универсальным для всех народов и культур. Поиск причин такого отклонения следует искать в культурных традициях и практической деятельности кабардино-черкесского социума.

Концептуальная метафора гнев – огонь представлена довольно большим количеством идиом кабардино-черкесского языка – *маскӀэ къыурихын* – *кипеть злобой*, букв. выдыхать огонь, искры; *мафӀэлыгъейуэ къыззиӀэнэн* – *разгневаться*, букв. вспыхнуть сильным огнем; *банэ мафӀэу къыззиӀэнэн* – *рвать и метать*, букв. вспыхнуть как пламя из сухого хвоста. Выявлены примеры, когда огонь локализуется в глазах: *мафӀэр нэм къыцӀихын* – *гореть ненавистью и злобой*, букв. огонь выходит из глаз; *нэм хуаскӀэ къыцӀихын* – *метать громы и молнии*, букв. искры выходят из глаз; в носу – *пэм мафӀэ бзий къырихун* – *быть в сильном состоянии гнева*, букв. языки пламени вырываются из носа. Следует отметить детализацию данной прототипической ситуации в исследуемом языке, например, *пэцыр ылыгъуэн* – *прийти в ярость*, букв. опалить волоски в носу – *прийти в ярость*. Для концептуализации гнева кабардино-черкесский язык активизирует такой источник как дым, выходящий из контейнера, где в качестве контейнера выступают глаза – *Ӏугъэ нэм къыцӀихын* – *смотреть со злобой*, букв. дым выходит из глаз; в носу, точнее в нижней части носа – *и пэихыным гъуэзыр кърихуу* – *смотреть со злобой*, букв. дым с силой выходит из нижней части носа.

Концептуальная метафора гнев – огонь продуктивно разрабатывается в кабардино-черкесском языке с опорой на лексику сердце, которое, как показывает материал, может «набухать, пухнуть» (*гур бэгын – гневаться, злиться*), «обуглиться, обгореть» (*гур лыныцын – нервничать злиться*). В кабардино-черкесском языке активизируется еще одна концептуальная метафора гнева – бесполезное, неприличное занятие. Например, о человеке в сильном состоянии гнева можно сказать *пэцыр ичын* – букв. вырывать волосы в ноздрях; *уафэм бжэакъуэкIэ епыджын* – букв. бодать рогами небо; *уафэм сабэ дэхъеин* – букв. подбрасывать, бросать вверх пыль. Все они имеют значение – *негодовать; рвать и метать*. Использование в качестве прототипической ситуации столь бесполезные с точки зрения здравого смысла занятия, а в некоторых случаях и неприличные, позволяет сделать некоторые выводы об отрицательном отношении кабардино-черкесского социума к внешнему проявлению гнева.

Итак, абстрактные «образ-схемы» гнева – *горячая жидкость в контейнере* или *горячий твердый предмет*, фиксированные в нашей понятийной системе, как результат отражения и последующего обобщения субъективных ощущений через конкретные сущности пространственно-временного континуума, реализуются в определенном наборе концептуальных метафор, языковое наполнение которых отличается широким диапазоном варьирования. Это доказывает необходимость комплексного, многоуровневого подхода к изучению идиооинообразования. Представляется, что исследования в этом направлении могут быть успешно дополнены при изучении семантики идиом в терминах интеграции ментальных пространств.

Библиографический список

1. *Gibbs R.* Why idioms mean what they do. // *Journal of memory and language.* 1992, 31, 485–506. *Gibbs R.* Metaphor in idiom comprehension // *Journal of memory and language.* 1997, 37, 141–154. *Gibbs R., O'Brien J.* Idioms and mental imagery: The metaphorical motivation for idiomatic meaning. *Cognition.* 1990, 36, 35–68.
2. *Keesing R. M.* Radical cultural difference: Anthropology's myth? // *Language contact and language conflict.* Ed. by M. Putz. Amsterdam / Philadelphia, 1994.
3. *Cacciari C., Gluckberg S.* Understanding idiomatic expressions: The contribution of word meaning // *Understanding word and sentence.* Amsterdam, 1991. *Cacciari C., Rumiati R. Glucksberg S.* The role of word meanings, transparency and familiarity in the mental images of idioms // *Proceedings of idioms.* Tilburg, 1992.

4. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. № 1. 1966.

5. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. Kovecses Z. *Metaphors and Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Е. В. Бобырева

Особенности синтаксической организации религиозного дискурса

Рассмотрение особенностей языка религиозного дискурса представляется актуальным и необходимым, поскольку в отличие от любого другого вида дискурса, дискурс религиозный строится с использованием лексических единиц, высказываний и синтаксических структур без понимания которых невозможна полная и правильная интерпретация определенных образцов религиозного дискурса. Именно необычность формы выделяет религиозный дискурс среди прочих – «нигде мы не можем извлечь из рудников Писания “содержания”, содержание являет себя через неотъемлемую от него форму... нигде не можем мы найти нечто первоначальное, что выразилось в определенной форме, но могло бы выразиться и иначе. В Писании каждое слово является действительным высказыванием; и перед лицом этого факта “форма” и “содержание” появляются в результате псевдоанализа... Послание превосходит форму, определяет ее и преобразуется ею, без всякой, однако, деформации» [2, с. 47]. В синтаксическом плане в религиозном дискурсе отмечается ряд закономерностей и особенностей, определяемых как основными интенциями и стратегиями религиозного дискурса – молитвенной и исповедальной, так и его основной дидактической направленностью.

Синтаксическая организация речевых образцов религиозного дискурса является довольно сложной. Все образцы отличаются сложностью построения, наличием разнообразных синтаксических связей и отношений. Довольно часто встречаются случаи использования в одном предложении ряда придаточных компонентов, причем, синтаксическая конструкция начинается именно с подобного нанизывания придаточных одного на другое; такое синтаксическое построение имеет вполне определенную цель – сконцентрировать внимание адресата на цели, причине совершения какого-либо действия, а уже потом упомянуть о конечном результате: *«Чтобы понять мудрость и наставление, понять изречения разума, усвоить пра-*